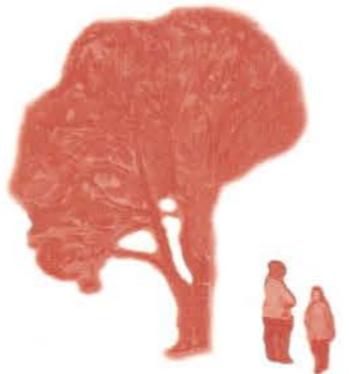


Наро-Фоминск
в 1926 г.
Художник
В.Г. Орлов



ПОДМО~~С~~КОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

1(47)2016

музей



12
Верея — хранитель
старины

32
Древнейший храм
Московской земли

74
У истоков
«апрелевской
грампластинки»

Юбилей
Наро-Фоминска
1926-2016

Андрей Гас

Неяркое зимнее солнце закрыли серые облака, и заморосил мелкий противный дождик. Ветер мокрой метлой гонял по дорожкам кладбища жёлтые листья. Наклонившись, я стёр с небольшого квадратного надгро-

Надгробный
камень Богдана
Васильевича
Модля

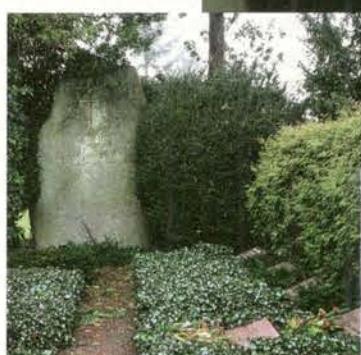


бия влажные иглы осыпавшейся хвои.

Проступила надпись:

«Gottlieb Moll. 5 Juni 1859 — 30 Januar 1926».

Похожие по размеру аккуратные надгробия справа и слева от меня образовали маленькую аллею, в конце



которой высился огромный, в два человеческих роста, камень. Стекающие по нему струйки дождя сделали выбитый на нём крест и надпись чёткими и рельефными:

«Familie Gottlieb Moll». Странное чувство нереальности охватило меня: «Что делаю я, российский гражданин, в двух тысячах километрах от своего дома здесь, на этом старинном немецком кладбище, на севере Германии?»...

Эта история началась для меня в 1976 г., когда после окончания института молодым инженером я пришёл на Апрелевский завод грампластинок. Главное предприятие Всесоюзной фирмы «Мелодия» было известно во всех уголках Советского Союза. Что говорить, само слово «Апрелевка» для многих было синонимом грампластинки! К музыке я с детства был неравнодушен, грампластинки начал коллекционировать ещё школьником и потому был рад распределению в Апрелевку. Завод вызывал у меня восхищение своими масштабами и абсолютной

разнопрофильностью производств: изготовление пластмасс, электрохимические процессы, сложная полиграфия — всё это было объединено в единый организм, а результат — десятки миллионов грам-пластинок, которые ежегодно расходились по стране.

Заинтересовавшись историей предприятия, я прочёл в заводской многотиражке, что завод открыли в 1910 г. «три немецких предпринимателя: Молль, Фогт и Кибарт». Позже я не раз встречал это утверждение, да и сейчас оно нет-нет, да и промелькнёт в

интернете. Теперь-то я знаю, что завод своим рождением, а потому и Апрелевка своей судьбой обязаны лишь одному человеку, имя которого — Готтлиб Генрих Карл Моль.

В наше время, когда открыты архивы, а интернет стал бездонным источником информации, не составляет труда проследить за судьбой этого незаурядного человека, а в причудливых, драматических и даже трагических её изгибах увидеть отражение столь же странной и драматической судьбы немцев в России.

Загадочная... немецкая душа

1880 год. Совсем юноша (21 год!), не зная по-русски ни слова, Готтлиб Молль приезжает «покорять» Россию. Казалось бы, зачем? Ведь у отца, Фердинанда Вильгельма Молля, собственное эмалировочное



Готтлиб Молль
1877 г.,
Ренсбург

авантюрном вояже в Россию. Готтибу повезло: его взял под опеку Сергей Иванович Мальцов — известный российский промышленник, владевший несколькими десятками заводов на территории Орловской, Смоленской и Калужской губерний. Характер и напористость молодого немца понравились Мальцову, и он дал возможность Моллю проявить себя на одном из своих заводов, выпускающих кухонную посуду в Калужской губернии. И не ошибся. Через некоторое время на участке, где Моллю было доверено внедрить свою семейную секретную технологию, произошло чудо: эмаль стала покрывать посуду тонким белым «фарфоровым» слоем без каких-либо изъянов. Изделия попеременно погружали в холодную и горячую воду, ударяли по ним, однако ни трещин, ни других дефектов моллевская эмаль не давала — настолько высоким было её качество.



производство в Ренсбурге, что в Гольштении. Все предпосылки для успешного начала карьеры в собственной стране. Но упрямого Готтиляба не устраивают лёгкие пути, его тянет в Россию! Разве это не судьба?

Конечно же, были и вполне объективные причины. Россия второй половины XIX в. была очень заманчива для западного капитала: страна вступала в эпоху капиталистического подъёма, и промышленность развивалась бурными темпами. Сотни западных бизнесменов средней руки и, в первую очередь, немцы приезжали в Россию, строили фабрики и заводы, находя здесь свою удачу. Начало этой традиции положил ещё царь Михаил Фёдорович, активно привлекавший немцев на русскую службу. Пётр I существенно увеличил этот поток, а Екатерина II – многократно. Так что Мольт ехал в Россию по уже проторенному пути.

Несмотря на молодость, он успел не один год по работать на семейном эмалировочном производстве и, к радости отца, стал неплохим специалистом. На копленные знания и секрет нанесения белой стойкой эмали, изобретённый и запатентованный ещё его дедом в 1795 г., были самым ценным багажом в его





Готтлиб Молль



Богдан Молль с сестрой и дочерьми

И вот уже в 1885 г. Готтлиб Молль строит своё собственное эмалировочное предприятие в селе Песочный завод (ныне — г. Киров) Калужской губернии. На производстве трудятся более 100 человек. Да и сам Готтлиб, засучив рукава, постоянно в гуще рабочих, за что пользуется их уважением. Чуть позже строятся ещё два эмалировочных производства: в Людиново и Думиничах на территориях местных чугунолитейных заводов. Так Готтлиб Молль становится вполне состоятельным человеком.

Действовал Богдан Васильевич с российским размахом и немецкой основательностью. В Калуж-

Богдан Васильевич с Агафьей Алексеевной и детьми 1894 г.



ской губернии, он приобрёл большое поместье Недомское площадью 1100 га, (впоследствии названное Моллевым хутором), где постепенно, шаг за шагом создал настоящий аграрный комплекс. На хуторе содержалось молочное стадо из 400 коров, закупленных в Восточной Пруссии, конская ферма в 300 лошадей, 60 свиней. Семена и картофель получали из США. В большом инкубаторе, работавшем на керосине — чудо-новинка, которую Молль заказал в Америке, — выращивали цыплят. На восьми гектарах был высажен прекрасный яблоневый сад. Чуть позже на территории хутора были построены мыловаренный завод и сыроварня. К началу XX в. семья Моллей обеспечивала всю Брянскую и Калужскую губернию не только эмалированными изделиями, но и мылом, яблоками, овощами, пшеницей, а также прекрасным сыром и куриным мясом.

Моллев хутор представлял собой большое поместье на берегу живописного пруда с плотиной, где летом можно было купаться, а зимой кататься на коньках. Там же находилась беседка для отдыха, купальня и небольшая бухта для прогулочных лодок. Большая семья — а в счастливом браке у Богдана Васильевича и Агафьи Алексеевны родилось 11 (!) детей — проживала в одноэтажном кирпичном здании с верандой, террасой, крыльцом и прилегающим к нему малым садом. Дети Моллей росли в культурной домашней атмосфере, характерной для большой интеллигентной русской семьи. А для крестьянских детей Богдан Молль построил школу в деревне Палома и из собственных средств оплачивал работу двух учителей.

И хотя, как мы знаем, Богдан Молль по происхождению был немцем, душой он стал вполне русским. На своём хуторе он создал собственный духовой оркестр и ансамбль балалаечников, которые участвовали в праздниках и знаменательных событиях. Молль с удовольствием слушал русские народные песни и сам с любовью исполнял их.

Впрочем, отдающим его видели редко. И молодым, и в зрелом возрасте Богдан-Готтлиб Молль отдавал почти всё своё время работе. Мало было ему привычной деятельности, связанной с эмалевым производством и сельскохозяйственными работами. Он внимательно следил за техническими и технологическими новшествами, чтобы внедрить их в свою практику. Не так ли в один прекрасный день и возникла у него идея постройки фабрики граммофонных пластинок как места приложения сил для своего старшего сына Иоганна (Ивана)? После учёбы в частной гимназии тот блестяще закончил физико-химический факультет Московского университета и вернулся в поместье, чтобы стать главным помощником отца в его разносторонних начинаниях. Но отец решил, что таланты сына должны проявиться на самостоятельном поприще. С этого момента, по-видимому, и можно отсчитывать историю апрелевской грампластинки.



На Моллевом хуторе в часы досуга

Начало XX в. неотделимо от чуда «запечатлённого звука». Граммофоны и поющие чёрные диски пользовались бешеною популярностью, завоевав за короткое время все страны Старого и Нового Света. Не стала исключением и Россия. Однако неверно считать, что решение Молля освоить граммофонный бизнес было обречено на успех. Ведь к этому времени в стране с разной степенью успеха действовало более трёх десятков (!) граммофонных фирм. Большинство из них — иностранные — были невелики, и за громкими лейблами не было ни производственной базы, ни сколько-нибудь продуманной стратегии, ничего, кроме желания заработать на продаже популярных в данный момент у русской публики песенок. Были и попросту мошенники, переписывающие популярные на тот момент граммофонные пластинки и издающие их, но уже под своей маркой. Но были и настоящие монстры этого бизнеса. Среди них, к примеру, лондонская компания «Граммофон» с завоевавшим весь мир лейблом «Пишуший амур», специально создавшая большое производство в Риге для освоения российского рынка, а также широко известная и популярная французская компания «Братья Пате».

Однако неутомимый Богдан-Готтлиб, похоже, сумел просчитать все риски. Он решил создать компанию с полным циклом производства: от профессиональной записи музыкальных произведений до изготовления и продажи готовой продукции — граммофонных пластинок, включая производство граммофонной массы, которого в Центральной России вообще не было. Расчёт был прост: пока новоиспечённая фирма будет осваивать технические проблемы

звукозаписи и нюансы репертуарной политики, доход будет приносить изготовление граммофонных пластинок для других компаний. Понимая, что для успешного освоения нового дела нужны грамотные опытные специалисты, Готтлиб Молль приглашает их из Германии: Аугуст Кибарт и Альберт Фогт становятся его компаньонами в созданном им торговом доме. Их имена какое-то время стоят рядом с Моллем в названии торгового дома, что порой вводит в заблуждение некоторых поверхностных исследователей, заставляя считать их основателями Апрелевки.

Иоганн — гимназист



Иоганн с сестрой Анной
1896 г.



Иоганн Молль — студент Московского университета

ского завода. Однако уже через несколько месяцев, в результате какого-то конфликта Фогт выходит из компании, покидает Россию, и имя его уходит в небытие. А Кибарт остаётся и даже входит в историю благодаря случаю, который произошёл значительно позже, в 1921 г., во время записи речей Ленина. Случай этот, описанный в литературе, стал историческим анекдотом: главный специалист по звукозаписи Аугуст Кибарт задал тогда «вождю мирового пролетариата» нескромный вопрос: «Почему заработная плата специалистам выплачивается не в иностранной валюте?», ну а справедливый Ильич, конечно же, обещал разобраться и исправить недоразумение.

Важно ещё добавить, что от замысла Готтлиба Молля освоить «граммофонный бизнес» до появления 15 декабря 1910 г. горячей, из-под пресса, пластины прошло не более полугода.

Местом для постройки фабрики была выбрана Апрелевка, подмосковное дачное местечко, где Молль приобрёл за 30 тысяч рублей небольшой участок для своего сына Иоганна. Это позже, через год с лишним, на Мясницкой, в Банковском переулке будет оборудована по последнему слову техники студия звукозаписи и новый гальванический цех. А пока вся апрелевская фабрика с громким названием «Метрополь-Рекорд» разместилась в одноэтажном здании. Построенное из красного кирпича, как это было принято тогда для производственных зданий, оно располагало по всему периметру большим количеством

окон, делающих внутренние помещения большими и светлыми. Отделанные белым камнем наличники, причудливые белые надстройки-башенки по углам здания придавали ему особый шарм и нарядность. А внутри этой изящной архитектурной шкатулки происходило настоящее чудо. В гальваническом помещении восковые диски с «запечатлённым» звуком окунали в чаны с электролитом, откуда вынимали медные матрицы, которые переносили в следующее помещение, где в жутком гротеске металла и шипения пара бесформенный кусок граммофонной массы, сжатый между матрицами гигантским усилием пресса, превращался в чёрное чудо граммофонной пластики. В этом же здании помещалось и сердце производства — машинное отделение, а в соседнем помещении из заморской, чрезвычайно дорогой смолы и шеллака изготавливала граммофонная масса.

Здесь же ухитрялся какое-то время жить и первый «главный директор» фабрики — Иоганн, или Иван Богданович Молль.

Это по-настоящему историческое здание живо и сегодня, хотя судьбу его, увы, вряд ли можно назвать счастливой. В советские годы, когда завод активно расстраивался, маленькое здание стало мешать строительству новых корпусов, и легендарный домик с величайшей осторожностью перекатили на брёвнах на другое место. Долгое время, пока завод существовал, здесь располагалась дирекция предприятия.

Первое здание фабрики Метрополь-Рекорд в 1980-е гг.



Уже в новейшее время здание сильно пострадало — заложены оконные проёмы и надстроен второй этаж.

Благодаря умелым действиям Богдана Молля и его сына Иоганна, новое дело стремительно набирало обороты. Пройдя через все сложности первых двух, трёх лет — отработку качества звукозаписи в студии и качества звучания отпрессованных пластинок, поиски надёжных оптовых покупателей и т.п. — к 1914 г. фирма «Метрополь-Рекорд» уверенно закрепилась на российском рынке, потеснив мелких конкурентов и заставив заволноваться крупных. Доверив перспективное дело сыну, Богдан-Готтлиб, тем не менее, не теряет к нему интереса. По его инициативе фирма впервые в России начинает выпускать комплекты граммофонных пластинок для изучения иностранных языков. А чтобы упростить необходимость частой смены пластинок, разрабатывает конструкцию устройства для автоматического опускания граммофонной иглы — прообраз будущего микролифта. В 1914 г. Молли получают разрешение и начинают строить два новых корпуса — фабрике предстоит серьёзное расширение. Но... залпы Первой мировой не оставили камня на камне от этих планов.

Русский ответ на «немецкий вопрос»

Страну охватил антинемецкий угар. На волне «ура-патриотизма» по городам прокатились немецкие погромы. Способ, которым царское правитель-

ство пыталось решить «немецкий вопрос», был очень прост: не удается добиться решающих побед на военном фронте, значит надо наказать собственных подданных — этнических немцев. Началась ликвидация принадлежащих им промышленных предприятий и земельных владений. Десятки тысяч человек были депортированы в центральные и восточные районы страны. Среди них были отец и сын, Готтлиб и Иоганн Молли, которых вместе с семьями выслали в Казанскую губернию.

Гонения, увы, отразились и на отношениях внутри семьи: жена Иоганна Молля, русская подданная, не захотела терпеть вместе с ним лишения и ушла, оставив на попечение мужа их четверых детей. Апрелевскую фабрику власти экспроприровали, а, проще говоря, отобрали и передали в собственность злостным конкурентам Моллей — Русскому акционерному обществу граммофонов (РАОГ). Но напрасно новые владельцы потирали от радости руки: в последующие два военных года спрос на пластинки резко упал, а пришедшие к власти большевики и вовсе поставили жирную точку на рыночном этапе российского музыкального производства.



Нынешний облик первого здания фабрики Метрополь-Рекорд

Моллям же удалось вернуться в своё поместье лишь после Февральской революции. Нет худа без добра: в ссылке Иоганн познакомился с учительницей Ольгой Андроновой и женился на ней. Вполне возможно, что вместе с отцом он рассчитывал восстановить справедливость и вернуть Апрелевскую фабрику, не сознавая, что последний акт драмы уже наступил.

В 1918 г. всех германских подданных вызвали в Германию. Уехали и Молли, но уже в 1919-м вновь вернулись в Россию. Конечно, это было их роковой ошибкой, но кто посмеет упрекнуть их: ведь они думали, что возвращаются на Родину! Чем не парадокс: в начавшихся гонениях сами коммунисты спасают Моллей от новой власти. Арестованный в качестве «немецкого шпиона» сразу после возвращения, Иоганн Молль писал жене из одиночной камеры Бутырской тюрьмы: «Я

был другого мнения о Советской России. Хотел работать на пользу ей, дать свои познания и опыт, а теперь у меня опускаются руки. ...Ужасно жаль! Я люблю Россию как свою Родину, и меня ужасно сюда тянуло...» Благодаря ходатайству апрелевских рабочих он был освобождён, но осенью того же года вновь арестован чекистами как заложник ввиду приближения к Москве деникинских войск. На этот раз помогло заступничество председателя Калужского губсовнархоза, и младшего Молля освободили как ценного специалиста. Однако репрессии продолжались: в середине 1920 г. по нелепому доносу Брянским губернским трибуналом была арестована младшая дочь Богдана Молля — Анна. По закону военного времени ей угрожал расстрел. Но настолько велико было уважение к Богдану Васильевичу, что за неё заступились местные коммунисты: Анну выпустили «на поруки».



Иоганн Молль
1917 г.



25 апреля
1921 г. — сделана последняя звукозапись Ленина — второй справа от В.И. Ленина Аугуст Кибарт

Надо ли говорить, что к этому времени семейство Моллей лишилось всего, чем владело. Апрелевская фабрика, три эмалировочных и химический заводы, огромное хуторское хозяйство были экспроприированы большевиками. Всё было разрушено и разграблено. Гонения на детей не могли не сказаться на здоровье Богдана Васильевича. Поразительно, но и в этих условиях он продолжал активно трудиться: разрабатывал конструкцию одноконного плуга с рабочей частью, покрытой специальной эмалью, и даже налаживал его производство на Думиничском заводе. Но ему всё чаще дают понять, что в Советской России он — классовый враг. В 1921 г. появилась возможность покинуть свою вторую родину, и он уехал. Навсегда. Через пять лет, в 1926 г., он умрёт в своём родном городе Ноймюнстер, не увидев сына.

А мытарства Иоганна в России продолжаются. Его изгоняют из некогда собственного эмалировочного производства и выселяют из заводской квартиры. Начинаются тяжкие годы скитаний в поисках работы, чтобы прокормить свою большую семью: в браке с Ольгой Андроновой у него родилось ещё трое сыновей. Впрочем, иногда новая власть вспо-

минает о нём как об авторитетном специалисте граммофонного дела: в 1919–1921 гг. его привлекают для записи речей «вождя мировой революции». Вместе со своим бывшим компаньоном Аугустом Кибартом он руководит всей технической стороной звукозаписи граммофонных пластинок Ленина, которые большими тиражами изготавливают на его бывшей фабрике в Апрелевке.

В 1927 г. семью Иоганна Молля выдворяют из страны. Сам Иоганн в который уже раз в тюрьме. Собрав нехитрый скарб, его супруга вместе с бабушкой, забрав семерых детей Иоганна, уезжает на новую родину, в Германию. Через некоторое время выпускают и умирающего Иоганна: туберкулёз, обострившийся в заключении, вступил в последнюю фазу. Отец семейства успел пересечь границу, но умер, так и не добравшись до местечка Зухсдорф, где среди незнакомых людей, в пока ещё чужой стране его ждали жена и дети...

Круг замкнулся?

Дождик закончился так же внезапно, как и начался, и слабое декабрьское солнце вновь оживило всё вокруг. Пристально всматриваясь в надписи на пластинах, рядом со мной стоит высокий, прямой как гвоздь пожилой мужчина с непокрытой головой. Седые мокрые от дождя волосы спутал ветер. Ему почти девяносто. Это Александр Молль — внук Готтлиба Молля и сын первого директора Апрелевской фабрики Иоганна Молля.

Судьба сыновей Иоганна Молля и Ольги Андроновой вполне могла бы лечь в основу авантюрного романа: молодые люди, на три четверти русские по крови, вступали во взрослу жизнь в гитлеровской Германии, вынужденные противостоять своей уже бывшей родине. Жестокая эпоха тяжёлым катком прошла и по их судьбам. Старший сын, Георг, с началом войны был мобилизован и отправлен на Восточный фронт. Остался жив: попал в плен и провёл в советских лагерях семь лет. Только в 1951 г. вернулся в

Германию. До последних дней он сохранил любовь к стране, где родился. Совсем по-другому сложилась судьба у младшего — Готтлиба. Несмотря на запреты матери, он вступил в ряды Гитлерюгенда и в составе войск СС оказался на Восточном фронте, где в первом же бою был тяжело ранен и лишился ноги. На этом война для него закончилась. Умер он рано.

На долю Александра — Сашки, как звала его мать, тоже выпало немало испытаний. Был призван в армию и после окончания лётной школы отправлен воевать во Францию. Самолёт его был сбит, и он попал в плен к французам. Бежал. Больше месяца по ночам, лесными тропинками, избегая людей, пробирался из Франции на север Германии; в город Киль, где жили мать и бабушка. Повезло: война уже близилась к концу, и тощий долговязый юноша, почти мальчишка, благополучно добрался до близких. После войны закончил университет, стал физиком, работал на атомной электростанции. Любовь к России, впитанную, что называется, с молоком матери, Александр Молль пронёс через всю свою долгую жизнь. И хотя, бывая в России, давно понял, что её образ, нарисованный детским воображением по



Готтлиб Молль (1859—1926)
Основатель Апрелевского завода грампластинок.

1899

Граффити на
стене городского
Дворца культуры
Апрелевки
День города,
август 2015 г.



Встреча
с Александром
Моллем

рассказам матери, всего лишь миф, Россию не разлюбил...

Конечно же, наша встреча у семейного захоронения Готтлиба Молля на старинном кладбище городка Ноймюнстер произошла не случайно: виной тому любимое детище Готтлиба Молля — завод грампластинок в Апрелевке. В 2010 г. предприятию исполнилось 100 лет. И хотя завод давно уже не выпускает грампластинки, а на его огромной территории работает несколько десятков мелких предприятий, столетие завода — важная дата для арделевцев и замечательный повод вспомнить и свою трудовую молодость, и молодость своих родителей — ведь на заводе трудилось немало рабочих династий, а история завода — это, по существу, история самой Апрелевки. Ветераны Апрелевского завода грампластинок, объединившись в общественное движение, выпуск-

тили к столетию завода юбилейную медаль. И когда стало известно, что в Германии, в Киль, живёт внук Готтлиба Молля, сын первого директора Апрелевской фабрики Иоганна Молля, было решено непременно вручить ему эту медаль в знак глубокого уважения арделевцев к памяти его деда и отца.

С этой почётной миссией я и приехал в Киль, чтобы встретиться с Александром Моллем или, точнее, с Александром Ивановичем, как он на русский манер сам себя называет. Александр Молль был тронут вниманием арделевцев, не без юмора заметив, что это первая в его жизни награда. Посетовав, что возраст и нездоровье не позволяют ему ещё раз побывать в России, он, тем не менее, предложил вместе съездить на родовое кладбище Моллей в Ноймюнстер.

И вот мы вместе стоим у могильной плиты с надписью:

«Gottlieb Moll. 5 Juni 1859 — 30 Januar 1926»

Как же всё странно и запутано в этом мире! Внешне типичный немец, всей своей жизнью связанный с Германией, с её судьбой, всё равно продолжает ощущать незримую связь со страной, где родился — с Россией. Рядом стоя я, приехавший в Германию по приглашению своих родственников. Все они в начале девяностых, когда открылся железный занавес, покинули свои сибирские деревни и вернулись на родину предков. В их домах живут уже другие люди, но сами поселения приходят в упадок и запустенье: хозяйственным рукам русских немцев трудно найти достойную замену. Выходит, круг замкнулся? Совершив «поход» в Россию длиной в 300 лет, немцы окончательно возвращаются домой? Дала ли она что-то самим немцам? Кто «там, наверху» руководит этим странным экспериментом, и какие уроки мы должны извлечь из него?

Впрочем, уехали не все. Эксперимент продолжается?...

Андрей Гаас, журналист